

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1947 • ЛЕНИНГРАД

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

РАБОТЫ ФАРХАДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В УЗБЕКИСТАНЕ в 1943—1944 гг.*(Предварительное сообщение)*

В феврале 1943 г. в районе города Беговат (Узбекская ССР) начались работы по сооружению мощной Фархадской гидроэлектростанции, рассчитанной на использование энергии р. Сыр-Дарьи.

Строительные работы, осуществляемые методами народных строек, развернулись сразу же на значительной территории—протяжение трассы строительства составляло около 15 км. Исходным пунктом трассы является район Фархадских скал—8 км восточнее Беговата, где должна быть сооружена громадная плотина и головная часть деривационного канала.

Канал тянется отсюда на северо-запад вдоль левого берега Сыр-Дарьи до гидроэлектростанции, место строительства которой находится примерно в 6—7 км северо-западнее Беговата. Ввиду большого объема предстоявших земляных работ, притом охватывающих обширную территорию, возникла потребность организации систематического археологического надзора на трассе Фархадстроя, особенно необходимого потому, что район Беговата никогда прежде не подвергался археологическому обследованию и поэтому представлял на археологической карте Узбекистана в полном смысле «белое пятно».

После предварительного осмотра трассы строительства, произведенного в марте научным сотрудником Узбекского филиала АН СССР В. Д. Жуковым, в начале апреля 1943 г. на Фархадстрой была направлена Фархадская археологическая экспедиция, организованная Институтом истории материальной культуры АН СССР. Экспедиция в составе В. Ф. Гайдукевича (руководитель работ), М. М. Герасимова и М. Э. Паничкиной имела своей задачей проведение общего археологического надзора на всей территории строительства и производство раскопок в местах обнаружения наиболее важных археологических памятников. Детальное обследование экспедицией всей трассы строительства к востоку и западу от Беговата показало, что на ее территории расположено несколько крупных археологических объектов, в той или иной мере затронутых начавшимися земляными работами. Было выяснено, что на левом берегу Сыр-Дарьи и в районе строительства плотины, а также в районе строительства электростанции, т. е. на обоих концах трассы, расположены остатки древних поселений; деривационный канал близ Ширин-сая перерезал большой древний могильник, связанный, очевидно, с городи-

щем, находящимся против Фархадских скал — в районе строящейся плотины.

В соответствии с ходом строительных работ, в апреле Фархадская археологическая экспедиция сосредоточила основное внимание на расследовании могильника у Ширин-сая. Параллельно с этим экспедиция вела наблюдения за земляными работами на площадке строительства электростанции, где сносилась часть древнего городища, состоявшая из культурных отложений, главным образом IX—XII вв. Что касается городища в районе плотины, то, поскольку оно не попадало сразу в зону интенсивных строительных работ, его изучение было отложено до второй половины 1943 г.

Могильник у Ширин-сая расположен на левом берегу Сыр-Дарьи, примерно в 400 м южнее реки, имея с запада, приблизительно на таком же расстоянии, широкое русло впадающего в Сыр-Дарью Ширин-сая, наполняющегося водой лишь во время весенних ливней.

Выделенная управлением Фархад-строя в распоряжение экспедиции рабочая сила в количестве до 100 землекопов была использована для углубления канала на протяжении около 75 м, в результате чего было обнаружено 10 погребений; кроме того, раскопке подвергся южный борт канала, что позволило открыть еще 18 погребений. Всего таким образом удалось расследовать 28 погребений, часть которых, однако, оказалась в той или иной мере нарушенной предшествовавшими земляными работами. Помимо раскопок могильника, был произведен тщательный сбор всего вещественного материала, который происходил из могил, разрытых еще до прибытия экспедиции.

Все раскопанные могилы — простые грунтовые, и таков, повидимому, был весь могильник. Большинство могил содержало одиночные захоронения, лишь одна (№ 2) оказалась с двумя костяками — рядом со скелетом женщины лежал скелет ребенка; и еще одна могила (№ 1) содержала коллективное захоронение — в одной большой могильной яме находились три костяка. В преобладающей части могил были обнаружены костяки, которые лежали в вытянутом положении на спине, обращенными головой преимущественно на ВЮВ, но наряду с этим все же довольно значительное число расследованных погребений (около 25%) содержало костяки, лежавшие скорченными (рис. 46), чаще всего на левом боку, с поджатыми ногами. В двух погребениях покойники оказались лежащими на спине, но ноги у них были согнуты в коленном суставе и поставлены коленями кверху.

Значительный интерес представляет упоминавшееся погребение № 1 с тремя костяками; могила эта оказалась частично скрытой еще до приезда экспедиции. В могиле (рис. 47) возле черепа крайнего восточного костяка найден был, с одной стороны, изящный глиняный кувшинчик, покрытый красным ангобом и украшенный рельефными горизонтальными поясками,

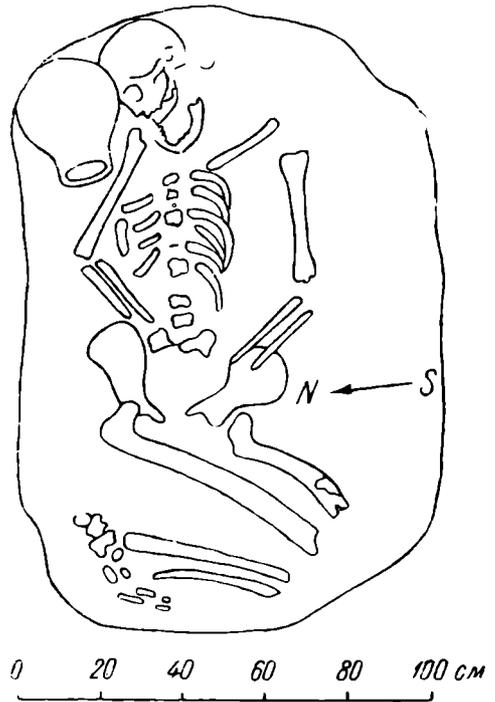

Рис. 46 Могильник у Ширин-сая.
План погребения № 26

а также углубленными волнистыми линиями на плечах, с другой стороны — полусферической формы чаша, тоже покрытая красным ангобом. У среднего костяка на уровне шеи оказалось довольно много бус, преимущественно стеклянных, но, наряду с этим, найдена одна крупная буса из горного хрусталя, одна янтарная, раковинка каури и др. Весьма важной явилась находка хорошо сохранившейся бронзовой китайской монеты, которая лежала под левой щекой, возле рта; возможно, что монета была положена покойнику в рот, но затем выпала. Крайний западный костяк, отчасти перекрывший соседний средний, был без вещей.

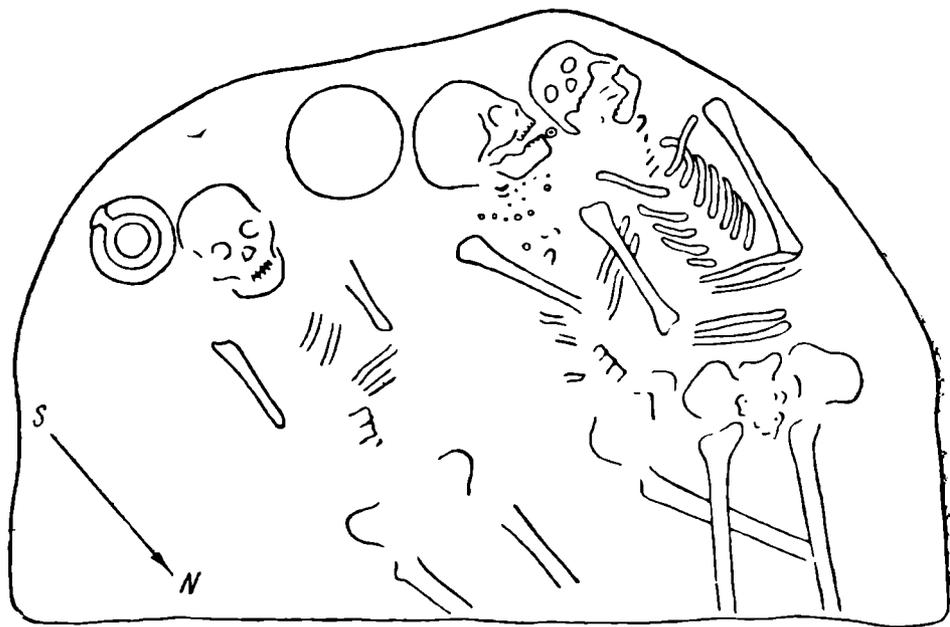

Рис. 47. Могильник у Ширин-сяя. План погребения № 1

Китайская монета имеет вид кружка (диаметр 2,5 см, вес 2,55 г) с четырехугольным отверстием в центре. На лицевой стороне один иероглиф обозначает цифру 5 («V»), другой указывает наименование монетной единицы («чжу»).

Как сообщил нам А. А. Быков, «подобные монеты отливались в Китае между 118 г. до н. э. и 618 г. н. э. Более точные датировки, сообщаемые в китайских источниках, на основании веса и характера иероглифов — сомнительны». Исходя из вышеприведенного указания, нашу монетную находку было бы трудно использовать в качестве хронологического критерия, поскольку может идти речь о семи — восьми столетиях.

Между тем, в одной из гробниц, открытых в Dông-Son (Индокитай) было обнаружено значительное число китайских монет «у чжу», идентичных нашему экземпляру. Наряду с ними там же оказалось несколько китайских монет Ван Мана (время его правления 9—23 гг.),¹ что указывает на синхронность монет «у чжу» нашего типа с хорошо датируемыми монетами Ван Мана.

Имея в виду вышесказанное, полагаем, что нашу монету «у чжу» мы вправе датировать первыми десятилетиями I в. н. э. В могилу она могла попасть значительно позднее, однако, вероятнее всего, в течение первых ве-

¹ Bulletin de l'école Française d'Extrême-Orient, t. XXIX, Hanoi, 1930, стр. 11.

ков н. э. Основываясь на монете (*terminus post quem*) и керамике (важен в этом отношении ангобированный кувшинчик) считаем, что весь комплекс погребения № 1 относится к II—III вв. н. э.

Большое количество разнообразных украшений сопровождало костяк молодой женщины, открытый в погребении № 8 (рис. 48). Здесь найдено много бус — стеклянные в виде зеленого и черного бисера, лигнитовые, пастовые, фаянсовые, сердоликовые, агатовые; пронизь из черного роговика и серпентина. Под крестцом лежал бронзовый четырехгранный пирамидальной формы колокольчик, наружные стороны которого украшены гравированными кружками с точкой в центре; колокольчик, повидимому, служил украшением косы. Кроме того, при костяке был найден бронзовый перстень, находившийся, вероятно, на кисти правой руки, а на нижней части левой половины грудной клетки лежала бронзовая рукоятка железного ножа, разрушенного коррозией.

Бусами иногда украшались запястья рук. Так, в погребении № 4, помимо бус, найденных на шее (лигнитовые в форме цилиндриков и кружочков, а также шаровидные сердоликовые), у запястья левой руки костяка оказалось 8 бус из стекловидной массы в виде продолговатых параллелепипедов с срезанными углами. В этом же погребении возле черепа стояла глиняная чаша, покрытая красным ангобом и близкая по форме чаше из погребения № 1. В ногах лежал плоскодонный глиняный горшок, крытый белым ангобом и украшенный двумя волнистыми углубленными линиями.

Особо должно отметить погребение № 14. При костяке, лежавшем в вытянутом положении, на спине, у ног найдена большая глиняная выючная фляга (рис. 49, 1), у которой один бок плоский, другой выпуклый, причем последний украшен орнаментом в виде врезанной спирали: близ фляги стояло большое глиняное блюдо на трех ножках (рис. 49, 2). И фляга, и блюдо покрыты красным ангобом. Весьма интересно, что на блюде лежала челюсть собаки. Последнее свидетельствует о существовании какого-то погребального ритуала, при котором, повидимому, совершалось жертвоприношение собаки.

В двух погребениях найдены сосуды с ручками в виде животных. В погребении № 21, где оказался детский костяк, лежавший в скорченном положении, найден глиняный плоскодонный кувшин, покрытый светлокремевым ангобом и имеющий ручку в виде кабана. В разрушенном погребении № 28 (рис. 49, 3) найдена ангобированная красная чаша, внутри которой лежал кувшинчик; плечи его украшены небрежно вырезанной линией,

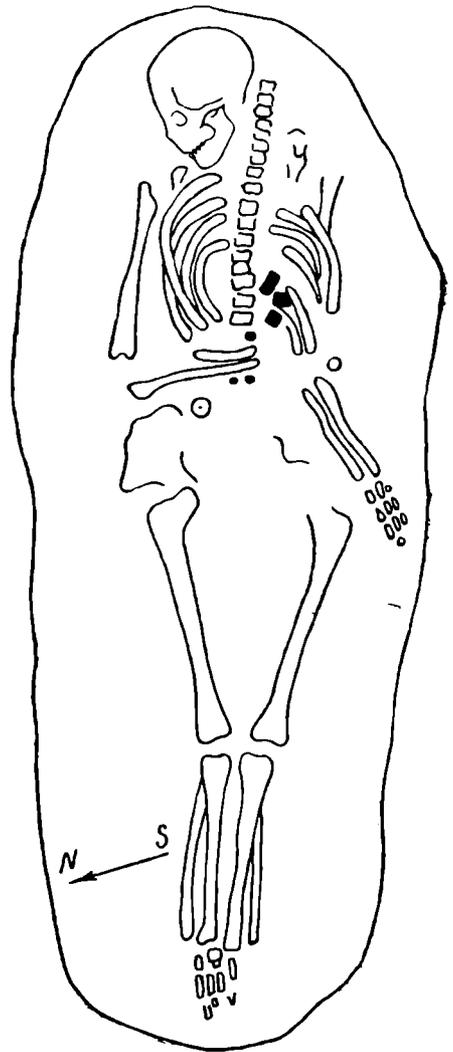
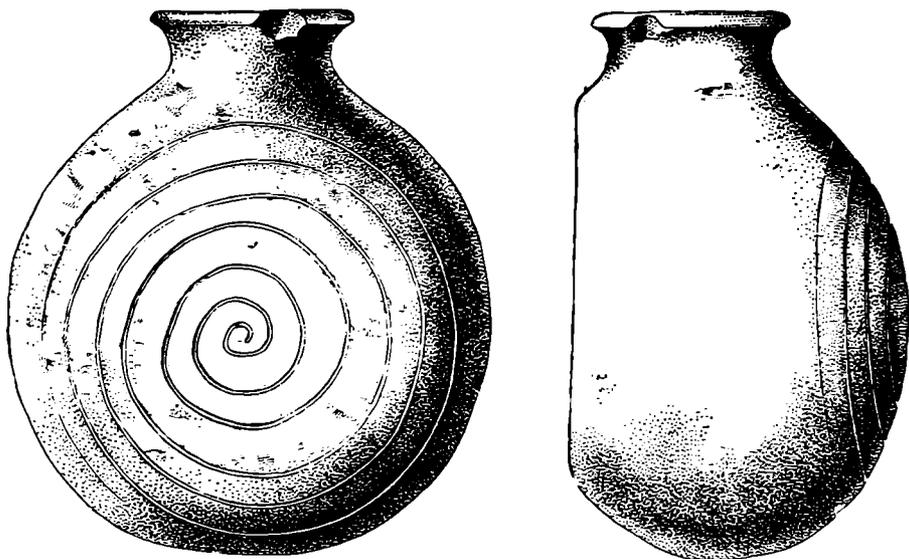
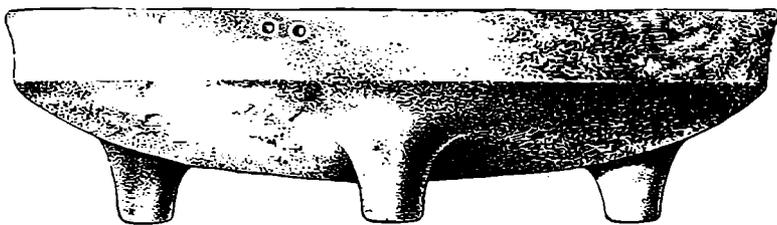

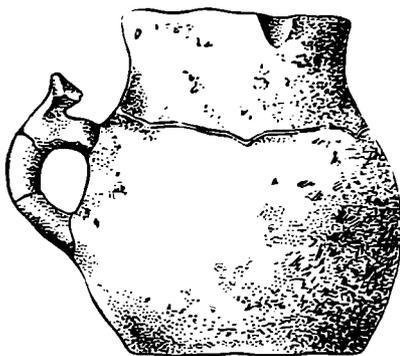
Рис 48. М. гильник у Ширин-сая.
План погребения № 8

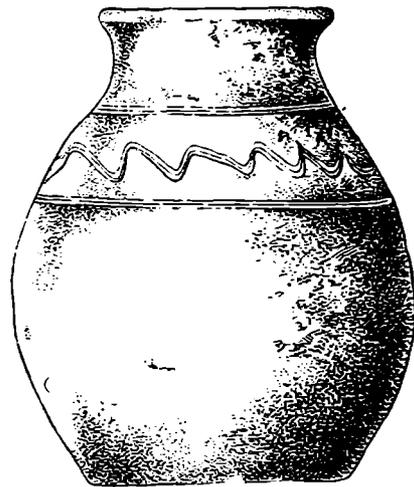
1

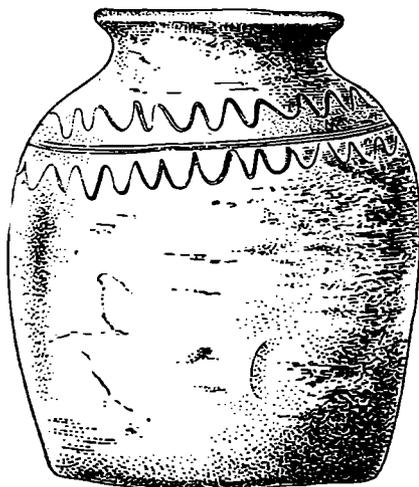
2

3

4

5

Рис. 49. Могильник у Ширин-сая.
1 — глиняная вьючная фляга из погребения № 14; 2 — глиняное блюдо из погребения № 14; 3 — глиняный кувшин из погребения № 28; 4 — сосуд из погребения № 11; 5 — сосуд из погребения № 25

ручка имеет обращенный к горлу выступ, который оформлен в виде головы овцы. Глиняные сосуды найдены были почти во всех погребениях. Чаще всего в могиле находилась пара сосудов — чаша и горшок или кувшин. Преобладают сосуды, изготовленные без гончарного круга, но формовка их обыкновенно отличается тщательностью; стенки старательно выравнены, сглажены: повидимому, завершающая стадия формовки сосуда велась на каком-то примитивном приспособлении, которому придавалось вращательное движение. Окончательная наружная отделка сосудов выражалась в покрытии поверхности ангобом, красным или белым. Иногда ангобировка была двойной: сначала сосуд покрывался белым ангобом, а поверх него красным

Внешняя отделка чаш обычно ограничивалась нанесением красного ангоба, иногда, правда, дополняемого лощением поверхности.

Горшки и кувшины в большинстве случаев покрывались только белым ангобом, имеющим часто кремовый или оливковый оттенок. Но зато этого рода сосуды часто украшались еще и орнаментом в виде волнистых горизонтальных врезанных линий. Изображенные на рис. 49 (4, 5) сосуды из погребений № 11 и № 25 дают представление о характере орнамента, представляющей различные комбинации волнистых и горизонтальных углубленных линий. На нескольких сосудах из могильника у Ширин-сая орнамент волны и горизонтальные линии исполнены гребенчатым шаблоном.

Могильник, расследованный у Ширин-сая, дал первый вещественный материал, характеризующий древнюю культуру района Беговата, входившего в прошлом в состав среднеазиатского государства Усрушаны, или Сутрушаны. Могильник этот должен быть датирован по основной массе погребений II—III вв. н. э., хотя в целом, он охватывает, повидимому, несколько более широкий промежуток времени, примерно I—IV вв.

Предварительные сопоставления находок из могильника у Ширин-сая, главным образом керамики, с археологическими материалами других смежных районов Средней Азии позволили установить ряд близких черт, прежде всего с районом древнего культурного оазиса Шаша первых веков н. э. (раскопки на Ташкентском канале А. И. Тереножкина, раскопки в Каунчи Г. В. Григорьева). Наряду с этим необходимо отметить несомненную общность многих форм керамики могильника Ширин-сая с керамикой древней Ферганы тоже первых веков н. э., на что указывают материалы, добытые при недавних раскопках на Большом Ферганском канале. Указанные культурные сближения будут вполне понятны, если учесть местонахождение Беговата — у выхода из Ферганской долины, на границе степи.

Раскопки могильника у Ширин-сая привели к выводу о наличии оседлой культуры в районе Беговата в первой половине I тысячелетия н. э. Однако не сразу оказалось возможным определить, с каким поселением этот могильник был связан. Несколько позднее, используя наблюдения за прорытием деривационного канала к востоку от Ширин-сая, удалось с несомненностью установить, что могильник у Ширин-сая представляет собою лишь часть обширного древнего могильника, тянувшегося с перерывами на восток вплоть до городища Мунчак-тепе, расположенного против Фархад-тау; местами на указанном пространстве могильник подходит близко к Сыр Дарье.

Городище Мунчак-тепе было подробно обследовано в июне 1943 г. автором совместно с А. Ю. Якубовским. Котлован, вырытый на городище при закладке плотины и прорезавший его посередине с севера на юг, дал обнажения культурных наслоений, достигающих 5—6 м глубины. Подъемный керамический материал, собранный при первом ознакомлении с городищем, включал, с одной стороны, фрагменты лощеной керамики с красным ангобом, а с другой — многочисленные фрагменты поливной керамики, что ориентировочно указывало на крайние даты начала и конца жизни городища в

пределах приблизительно III—XI вв. Как показали дальнейшие археологические исследования, указанная первоначальная датировка городища в основном оказалась правильной и в дальнейшем была лишь немного уточнена.

На городище Мунчак-тепе раскопки велись с сентября 1943 г. до января 1944 г., а затем возобновились в марте 1944 г. и были продолжены до конца сентября. В состав экспедиции входили: В. Ф. Гайдукевич (руководитель экспедиции), научные сотрудники Т. Н. Книпович, А. Н. Карасев, М. А. Наливкина, С. М. Шмерлинг, аспирант Е. Е. Слащев, архитектор В. Л. Воронина (от Государственного научно-исследовательского института искусствознания Узбекской ССР); работы экспедиции на всем их протяжении проводились под общим наблюдением и руководством заведующего Ташкентской группой ИИМК члена-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского. Существенную помощь экспедиции оказал Гос. Эрмитаж, усиливший ее материальные средства.

Необходимо особо отметить внимательное отношение, которое было оказано нашей экспедиции руководством Фархадстроя (в лице начальника строительства А. А. Саркисова, главного инженера И. Я. Каминского и начальника головного узла инж. Б. Я. Моисеева), обеспечившим экспедицию рабочей силой в количестве до 70 человек.

Участникам экспедиции ИИМК приходилось испытывать, как и строителям Фархадской ГЭС, все те невзгоды и бытовые трудности, которые были неизбежны в условиях большого скоростного строительства, осуществляемого в обстановке военного времени. Трудности эти усугублялись еще тем, что, учитывая быстрые темпы строительства и обусловленную этим ограниченность времени, в течение которого городище Мунчак-тепе могло еще быть объектом археологического исследования, экспедиции пришлось работать с большим напряжением сил почти круглый год, включая осеннее и зимнее время,— при частых дождях, снегопадах и холодных ветрах, систематически дующих в это время года со стороны Ферганской долины, и притом нередко с ураганной силой.

Городище Мунчак-тепе занимает площадь около 4 га. В плане оно представляет возвышенный четырехугольник (200 × 180 м), одна сторона которого образует высокий обрывистый берег Сыр-Дарьи. С остальных трех сторон городище ограничивается склонами, наиболее четко выраженными с востока и запада, тогда как южный край городища несколько искажен насыпью Кауфмановского (недостроенного) оросительного канала 70—80-х годов прошлого столетия. На относительно ровной площади городища резко выделяется его северо-восточная часть, имеющая форму продолговатого высокого холма длиной 70 м, шириной 40 м, центральная часть которого почти на 24 м выше уровня Сыр-Дарьи. Холм этот (тепе) по занимаемой им площади составляет примерно $\frac{1}{12}$ всей территории городища. Обрывистый край тепе со стороны Сыр-Дарьи носит явные следы разрушений, вызванных размывами высокого берега рекою и приведших, несомненно, к сносу некоторой части древнего городища. На крутом восточном склоне тепе хорошо видны остатки оборонительной стены, построенной из сырцовых кирпичей и входившей в систему укреплений данного поселения. С самой высокой части Мунчак-тепе открывается широкая картина окружающей местности: в восточном направлении видна Ферганская долина — сплошная и зеленеющая даль садов; южнее на горизонте появляются и тянутся к западу величественные цепи гор Туркестанского хребта с их снежными вершинами, бесконечно меняющими свою окраску в зависимости от времени года и метеорологических условий. На юго-западе отчетливо вырисовывается возвышенная гряда, на вершине которой виднеются развалины древней башни, представляющей собою остатки разрушенной крепости. Последнее является частью довольно большого древнего городища (от Мунчак-тепе до него

около 6 км), известного у местного населения под названием Ширин-кыз, как, впрочем, именуется и весь кряж, близ которого с восточной стороны проходит Ширин-сай.

Однообразный равнинный ландшафт к западу от Мунчак-тепе, в направлении к Беговату оживляется лишь извилистым руслом Сыр-Дарьи, по правому берегу которой прорыт Дальверзинский канал. В полуторах километрах от Мунчак-тепе, над Дальверзинским каналом, на берегу высятся курганобразная насыпь (тепе), являющаяся остатком древнего сторожевого пункта. Степной район к северу от Сыр-Дарьи замыкается с востока горным массивом Могол-тау, скалистые отроги которого, опускаясь, вплотную подходят к реке. Непосредственно против Мунчак-тепе правый берег Сыр-Дарьи состоит из высоких, почти отвесно обрывающихся краснобурых известковых скал, называемых Фархадскими (Фархад-тау). Скалы постепенно повышаются в восточном направлении; приблизительно в 0.5 км от Мунчак-тепе они достигают наибольшей своей высоты. В этом месте Сыр-Дарья круто огибает скалы, делая поворот на северо-восток.¹

Народная легенда приурочила к этим скалам богатырские подвиги героя Фархада, приписав ударам его чудодейственного кетменя происхождение отвесных скалистых обрывов, омываемых Сыр-Дарьей.

Ввиду невозможности подвергнуть раскопкам всю территорию городища Мунчак-тепе, подлежащего в дальнейшем включению в земляное тело плотины Фархадской ГЭС, экспедиция должна была ограничить раскопные исследования некоторой его частью. Решено было основные раскопки развернуть на возвышенной северо-восточной части городища (тепе), где со стороны котлована, срезавшего западный край этого тепе, в обресе насыпи видны были признаки крупного сооружения, заставляющие предполагать наличие на тепе остатков постройки типа замка. Избрав главным объектом исследования тепе, экспедиция вместе с тем произвела разведочные раскопки и в других местах городища, а также раскопки внутри котлована, юго-западнее тепе. Здесь верхние культурные слои уже были сняты на глубину до 3 м. Заложенный раскоп (II) привел к открытию интересных остатков большой керамической обжигательной печи, относящейся, как можно судить по найденной в печи и возле нее керамике, к первым векам н. э. От печи сохранилось топочное помещение, которое было построено в лёссовом материке. Оно представляет собою вытянутое с севера на юг пространство, длиной 5.70 м, наибольшей шириной 1.10 м, ограниченное стенами толщиной 0.42 м, которые сложены из сырцовых кирпичей, подвергшихся обжигу во время производственного функционирования печи. Внутри топки, устье которой находилось в южном конце, обе боковые стены, т. е. восточная и западная имеют выступы — лопатки; с западной стороны их 6, с восточной — 7. Лопатки эти служили для поддержания сводчатого перекрытия, на котором, повидимому, лежал под верхней обжигательной камерой, полностью разрушенной. Все внутренне части топки покрыты глиняной обмазкой с большим количеством примешанной к глине соломы.

Топка керамической печи была заполнена золой, кирпичами и кусками глиняной обмазки от обрушившихся частей печи; кроме того, внутри топки оказалось много обломков керамики, т. е. той посуды, которая обжигалась в данной печи. Принадлежность указанной керамики мастерской, в производственное оборудование которой входила и обжигательная печь, не подлежит сомнению, что подтверждается большим числом повторяющихся однородных типов изделий, а также наличием среди них явного производственного брака. Следует добавить, что такого же рода изделия

¹ Скалы Фархад-тау считаются крайней западной границей Ферганской долины.

обнаружены были и близ печи среди завала кирпичей, образовавшегося от разрушений обжигательной камеры и залежавшего толстым слоем с западной стороны. Посуда, обжигавшаяся в печи, представлена двумя основными группами: тонкая ангобированная керамика и простая керамика без ангоба. Обе изготовлялись с применением гончарного круга. Первая группа изделий состоит из тонкостенных чаш и блюдец, покрытых ангобом, цвет которого варьирует от яркокрасного до красновато-коричневого, причем часть сосудов поверх ангоба подверглась еще и лощению. Вторую группу изделий, более простой выделки, образуют главным образом крупные одноручные сосуды (кувшины), горло которых имеет слив; по форме они близко напоминают эллинистические энохи.

В своей совокупности продукция керамической мастерской свидетельствует о высоком уровне гончарной техники: глина хорошего качества, для тонких изделий она несомненно подвергалась отмучиванию, формовка производилась на круге, тщательно ангобированная поверхность имеет глянцеви́тый вид, иногда усиленный штриховым лощением.

Керамическая печь относится к самому нижнему культурному слою городища Мунчак-тепе; весь комплекс находок, добытых из раскопок с печью, характеризует наиболее ранний («кушанский») период жизни поселения. Наблюдения, которые можно было сделать над этим же ранним культурным слоем в ближайшем районе около печи, указывали на ярко выраженный земледельческий характер поселения. Множество крупных глиняных хумов для хранения продовольственных припасов в домах, обилие каменных зернотерок, масса костей домашнего скота и т. д., — все это говорит об оседлом земледельческом быте жителей Мунчак-тепе в первые века н. э.

Надзор за земляными строительными работами, производившимися в береговой полосе тепе, позволил также установить, что и здесь, под средневековыми культурными отложениями, имеется достаточно хорошо выраженный культурный слой первых веков н. э., содержащий вещественный материал, аналогичный тому, который обнаружен на раскопе с гончарной печью в котловане. В нижнем культурном слое тепе, залежавшем непосредственно на материке (таковым здесь является мощный слой галечника), наряду с обильно представленной керамикой, покрытой красным ангобом, были найдены каменные литейные формы. Особенно интересна литейная форма, служившая для отливки серег. Она состоит из двух плиток (7.4 × 7.9 см) темносерого сланца, на внутренних сторонах которых вырезаны формы пары серег и каналы для заполнения формы металлом, каковым, очевидно, являлось золото; чтобы обе половинки точно совпадали и не сдвигались, в одну половинку формы были вделаны два металлических штифта, на которые надевалась другая половинка, для чего в соответствующих местах последней были просверлены отверстия.

Изготавливавшиеся в указанной литейной форме серьги состояли из кольцевидной основы (диаметр 2.9 см) с желудевидной подвеской, заканчивающейся внизу шариком и имеющей каннелированную поверхность. Интересно, что обе серьги, отливавшиеся одновременно в форме, хотя почти и тождественны, но все же не совпадают в одной детали: подвеска левой серьги имеет с обеих сторон в верхней своей части восьмеркообразные дополнительные украшения, которых не имеет правая серьга. Замечательной особенностью найденных древних литейных форм является их внешнее оформление. Несмотря на то, что они являлись утилитарными предметами производственного назначения, наружная отделка была исполнена с большим изяществом. Верхняя половинка литейной формы для серег была украшена по краям мозаичным узором из желтоватых и красных треугольных пластинок, такие же цветные треугольники заполняли круг, находя-

щийся в центре, угловые части заняты четырьмя вырезанными звездами о семи лучах.

Таким образом Мунчак-тепе в его наиболее древних культурных напластованиях рисуется как земледельческое поселение, являвшееся одновременно незаурядным торгово-ремесленным центром. Тут было развито керамическое производство, как это показало открытие гончарной обжигатель-

Рис. 50. Мунчак-тепе. Фрагмент глиняного оссуария с рельефной маской божества и виноградной гроздью

ной печи; здесь существовало и ювелирно-металлическое производство, засвидетельствованное находками литейных форм.

Для полноты характеристики культуры Мунчак-тепе раннего периода необходимо упомянуть находки, сделанные весной 1944 г. на территории так называемого восточного некрополя при земляных работах восточнее Мунчак-тепе, в прибрежной полосе близ Сыр-Дарьи. На расстоянии около 100 м к востоку от городища, при снятии верхнего слоя земли в целях разработки галечного карьера, был вскрыт ряд древних могил, относящихся к первым векам н. э. и давших серию важных по своему значению находок. Из них прежде всего упомянем бронзовое китайское зеркало (диаметр 17,6 см), украшенное рельефными орнаментами и снабженное иероглифической надписью. Зеркало это, по стилистическим признакам относящееся к Ханьской эпохе, заставляет вспомнить китайскую монету из погребения

№ 1 могильника у Ширин-сая: и то, и другое свидетельствует о живых связях с Китаем в первые века н. э.

К той же категории вещей, подтверждающих сношения с Китаем, принадлежит и найденная при срытии нижнего культурного слоя (с северной стороны тепе) плоская галька (наибольшая длина 6.5 см, ширина 4.5 см, толщина 1 см) с китайской надписью. На одной стороне посредине вырезаны два иероглифа, которые, как указал нам А. А. Драгунов, обозначают слова: «Золото и драгоценные камни», ниже указанных иероглифов справа тем же способом нанесены цифровые обозначения. На оборотной стороне процарапано схематическое изображение человека с огромной бородой. Назначение этого предмета выяснить еще не удалось.

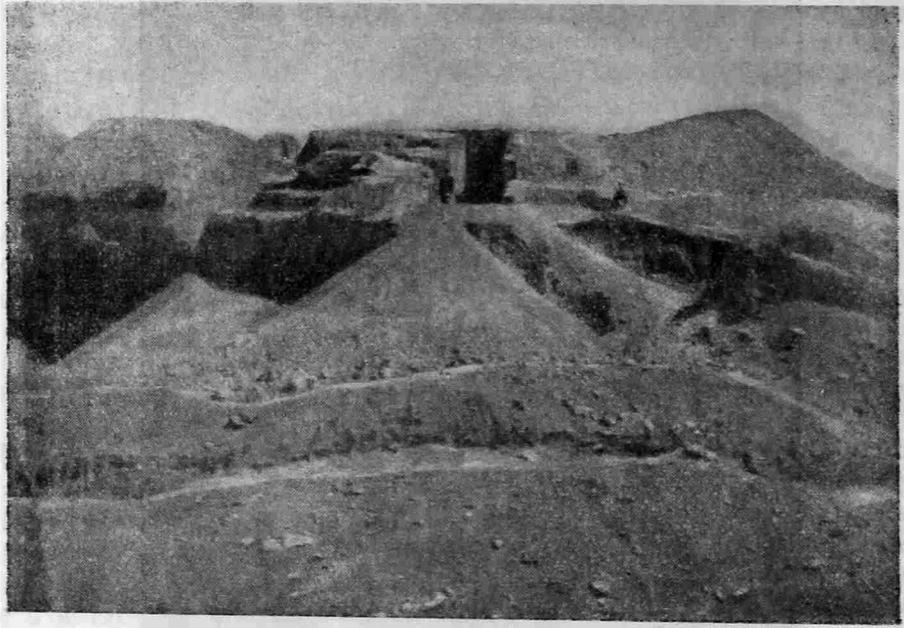

Рис. 51. Мунчак-тепе. Общий вид раскопок с запада

Интересна могила того же восточного некрополя, к сожалению, сильно пострадавшая при строительных работах, в ней был погребен воин; рядом со скелетом покойника лежал железный меч, в могиле оказалось значительное число золотых нашивных бляшек (четырёхлепестковые розетки, круглые бляшки, окаймленные зернью, прямоугольные бляшки с рельефными S-образными украшениями и др.), которыми была украшена одежда покойника. Отметим попутно, что типы этих золотых бляшек очень близки, а отчасти просто тождественны аналогичным украшениям, широко представленным в греко-сарматских погребениях северного Причерноморья римского времени. Замечателен фрагмент глиняного оссуария, найденный на территории восточного могильника (рис. 50). На обломке (наибольшая высота его 29 см, ширина 15 см) полностью сохранилось изображение маски божества, напоминающей образ индийского Vajgarāni. Большие, круглые, резко очерченные глаза с зрачками, подчеркнутыми посредством впадинок, устрашающе устремлены на зрителя; широкий и мясистый нос сильно приплюснут, рот обрамлен длинными изгибающимися усами, массивный подбородок раздвоен, изо рта выступают сверху большие клыки. Эффектна стилизация бровей, трактованных в виде растительных мотивов. Поле стенки оссуария ниже маски украшено изображением виноградной грозди.

Вернемся к раскопкам городища. На вершине тепе, вдоль западной линии среза, образованного котлованом плотины, был заложен раскоп площадью 10×30 м. Вскоре здесь была открыта хорошо сохранившаяся галерея замка (рис. 51). В дальнейшем площадь раскопок постепенно расширялась и охватила значительную часть территории тепе, западная половина которого оказалась занятой большим замком, представляющим собою монументальное сырцово-глинобитное архитектурное сооружение.

С западной стороны в замок ведет галерея, шириной 2.20—2.40 м. На протяжении 8,50 м галерея идет в восточном направлении (отрезок А), затем она делает поворот (под углом около 100°) на север (отрезок В), далее опять поворачивает на восток (отрезок С) и, наконец, еще раз

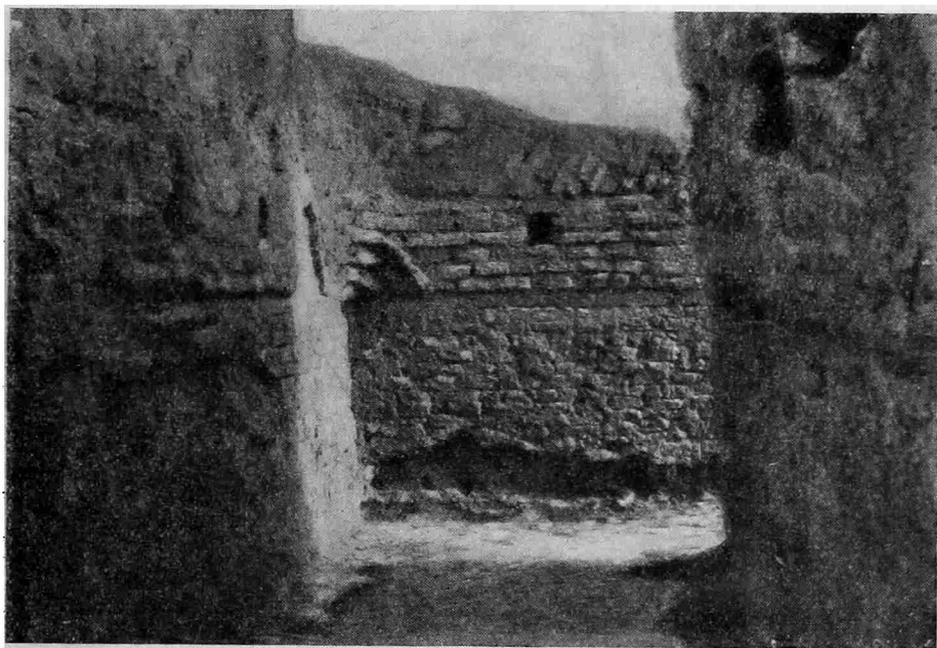

Рис. 52. Мунчак-тепе. Галерея замка, вид с севера

поворачивает под тупым углом на север (отрезок D). Галерея эта, очевидно, являлась главным ходом, ведущим во внутренние помещения замка. Особенно парадно оформлен первый ее поворот (угловая часть). Здесь на стене, обращенной лицевой поверхностью в сторону одной из галерей, выложена из сырцовых кирпичей декоративная арочка, а рядом в углу, также из сырцовых кирпичей, искусно сооружен ступенчатый троп (рис. 52), создающий переход к сводчатому перекрытию, от которого уцелели лишь самые нижние ряды кладки из наклонно уложенных кирпичей. Вся галерея построена из сырцовых кирпичей (размер $8 \times 24 \times 48$ см), часть которых снабжена тамгой, напоминающей по форме букву С. На высоте примерно человеческого роста кладка стен образует небольшой выступ, являющийся началом перекрытия. В конструкции стен галереи имеется одна интересная деталь, не совсем понятная. В верхней части этих стен в некоторых местах устроены квадратные (20×20 см) глухие нишки, глубиной 50 см. Таких нишек открыто 11, все они расположены на высоте приблизительно 1.90 м от пола. Возникавшее первоначально предположение, что это пазухи от бывших деревянных связей, скреплявших перекрытие, приходится отклонить, так как нишки размещены в стенах не симметрично одна против другой, а в одном месте такая нишка обращена просто в сторону открытого

пространства галереи. Представляется наиболее вероятным декоративное назначение нишек, которые, возможно, генетически восходят к боевым амбразурам укрепленных жилых замков, сохранных здесь в виде декоративного элемента.

Последующими раскопками было выяснено, что основные внутренние помещения замка расположены к северу от галереи (рис. 53). Это пять смежных прямоугольных в плане комнат и шестое трапециевидное помещение, сообщавшиеся посредством длинного, так называемого западного коридора (шириной 1.90 м) с главной галереей замка. Крайнее северное помещение № I, выходящее своей внешней стеной к береговому откосу тепе, имеет размеры: длина 8.75 м, ширина 2.65 м, сохранившаяся высота стен

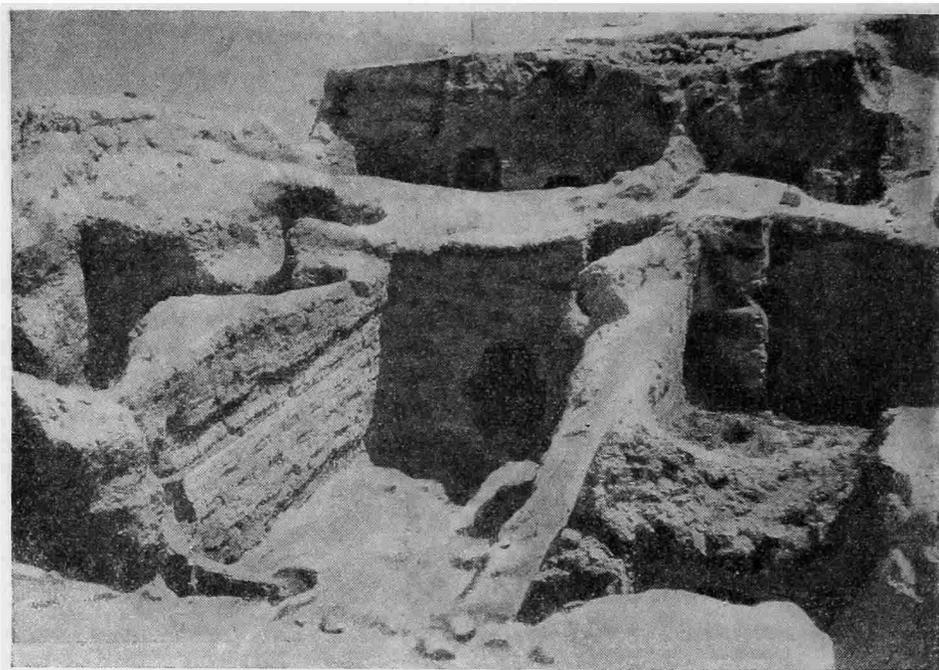

Рис. 53. Мунчак-тепе. Общий вид раскопок замка, вид с юго-запада. Помещения II, III, IV

достигает 2.60 м. Следующее помещение № II несколько меньших размеров — длина 4.70 м, ширина 3 м; № III — длина 4.80 м, ширина 2.70 м; № IV — длина 5.12 м, ширина 2.60 м; № V — длина 4.77 м, ширина 2.55 м; № VI — длина 6.35—6.55 м, ширина 3.10—4.10 м, причем все помещения, начиная с № II, имеют с западной стороны дверные проемы, выводящие в западный коридор, который вытянут с севера на юг. В нескольких проемах сохранились арочные перекрытия. Это дало возможность детально изучить принципы построения и технические приемы возведения арочных перекрытий, применявшихся строителями замка. Все помещения были перекрыты сводами, но они не сохранились; обвалившиеся сырцовые своды в виде громадных завалов заполнили внутренние пространства помещений. Интересно, что стены внутренних помещений замка построены не так, как стены галерей и коридоров, где применена сплошная сырцовая кирпичная кладка. Стены комнат сложены своеобразной узорной кладкой, представляющей сочетание серой пахсы и желтых сырцовых кирпичей (размер $10 \times 26 \times 52$ см), расположенных в шахматном порядке, чем достигался определенный декоративный эффект: на фоне серого глинобитного массива стены выделялись прямоугольные

ячейки желтоватых сырцовых кирпичей, выступавших наружу или тычками или ложками. Как и в главной галерее, стены комнат замка на определенной высоте образуют легкий выступ, нарушающий гладь стены и обозначающий линию перехода к перекрытиям. Начиная от указанной линии, все верхние части помещений, включая и самые своды, были сложены исключительно из сырцовых кирпичей. В крайнем береговом помещении № 1 северная стена оказалась с такими же нишками, которые упоминались при описании главной галереи. В некоторых помещениях пол вдоль стен имеет возвышения — «лежанки», сложенные из сырцовых кирпичей или сделанные из пахсы. В помещениях № II и № III в восточной стене вырублены большие глубокие ниши, выходящие на уровень пола. Глинобитные очаги хорошо сохранились в помещении № I. На основании керамических находок (хумы, сосуды с красным ангобом, лепная посуда), оказавшихся в помещениях и галереях замка, время сооружения его следует отнести к IV—V вв. н. э.

На протяжении своего существования замок не раз подвергался перестройкам. Замок, повидимому, был заброшен и подвергся частичному разрушению в VIII—IX вв., когда его повидимому основательно опустошили и разграбили. Этим только и можно объяснить то обстоятельство, что в помещениях замка при раскопках встречено сравнительно мало находок. Из отдельных находок, представляющих выдающийся интерес, должен быть отмечен набор своеобразных глиняных фигур, обнаруженных как бы замурованными в неглубокой нише южной стены помещения № II. Фигуры вылеплены из глины (без обжига), имеют цилиндрическую форму с перехватом в верхней части (напоминают по виду современные изоляционные ролики, применяемые для электропроводки). Часть фигур имеет естественный светлосерый цвет глины, другие окрашены в красный цвет. Кроме того, каждая группа фигур — белых и красных — имеет различия в размерах, есть фигуры крупные и есть более мелкие; наибольшая высота 3 см, диаметр основания 4.8 см; наименьшая 1 см, диаметр 1 см.

В каждой фигуре сверху сделано углубление. Первое объяснение, которое было дано найденному комплексу глиняных предметов, истолкованных сразу же как набор игральнх фигур типа шахмат, не представляется нам сейчас вполне решающим вопросом. В свете ряда параллелей, имеющих в археологических памятниках древнего Китая и Индии, нельзя считать исключенным культово-магическое значение найденных в замке глиняных необычных изделий, не встречавшихся еще в Средней Азии.

Разведочные раскопки, произведенные в августе — сентябре 1944 г. у северного края тепе (раскоп IV), позволили установить и здесь также наличие остатков крупного сырцово-кирпичного сооружения, представляющего часть замка несколько более раннего времени, чем тот архитектурный комплекс, который был детально расследован в западной части тепе (раскоп I) и краткое описание которого мы уже дали. На раскопе VII были обнаружены остатки двух в значительной мере разрушенных помещений А и В, стены которых построены из сырцовых кирпичей, размерами 10—12 × 35 × 65 см. Южнее, позади помещений А и В, открыто башнеобразное сооружение с внутренним помещением 2.60 × 3.80 м и мощными стенами (восточная стена имеет толщину 1.85 в). Глинобитный пол в помещениях А и В залегал на глубине около 6 м от поверхности тепе, тогда как полы помещений I и VI в замке, открытом на раскопе I, расположены значительно выше, на глубине 3—3.70 м. Керамика, оказавшаяся в помещениях А и В, интересна в том отношении, что здесь представлены те же типы, которые известны по могильнику у Ширинсая: плоскодонные с широким основанием сосуды, покрытые белым ангобом и украшенные волнообразным орнаментом, чаши с красным ангобом.

Это позволяет датировать помещения *A* и *B* III в. н. э. На уровне верхних рядов уцелевшей кладки стен названных помещений при раскопке были найдены фрагменты нескольких серебряных чаш. Среди них оказались четыре фрагмента венчика серебряной чаши с выгравированной надписью на древнем согдийском языке.

Новое возрождение жизни на Мунчак-тепе наступило в X в. На месте помещений полуразрушенного монументального замка, заполненных кирпичными завалами и землей, стали возникать жилые постройки, остатки которых образуют верхний культурный слой тепе (его глубина в среднем 1.50—1.80 м), относящийся в своей совокупности к X—XII вв. Этот верхний культурный слой, перекрывающий развалины замка домусульман-

Рис. 54. Мунчак-тепе. Часть глиняного очажка XI в. из так называемого блокового здания

ского периода, отличается большой насыщенностью вещественным материалом, и раскопки его дали множество интересных находок.

Постройки верхнего слоя также сырцовые и глинобитные. Наиболее крупным зданием этого времени на тепе является дом, который был сооружен в X—XI вв. над развалинами замка, на пространстве между помещением № III и отрезком С главной галереи замка. Дом был возведен на глинобитной площадке толщиной свыше 1 м. Стены дома имели толщину 1.20 м и представляли собою пахсу, нижний слой которой был снабжен вертикальными разрезами, придающими стенам вид монументальной кладки из громадных блоков. Внутри дома обнаружено три последовательно повышавшиеся уровня пола, соответствующие трем периодам использования здания на протяжении X—XII вв. Последняя, наибо-

лее поздняя, перестройка сопровождалась накладкой стен сырцовыми кирпичами, характерными и по своим размерам (5—6 × 17 × 32 см), и по способу применения их в кладке для наиболее позднего строительного периода Мунчак-тепе, т. е. для XII в. Раскопки этого так называемого блокового здания дали много интересного. В одном из помещений дома найден орнаментированный рельефными украшениями глиняный очажок, обнаруженный при раскопках *in situ*, что является очень редким, если даже не первым, случаем в археологических исследованиях на территории Средней Азии. Очажок состоит из центральной полукруглой части (здесь собственно и горел огонь) и обрамляющих ее с обеих сторон по бокам двух симметрично расположенных и одинаково орнаментированных прямоугольных

Рис. 55. Мунчак-тепе. Глиняный сосуд (горло утрачено) с рельефным орнаментом XI—XII вв.

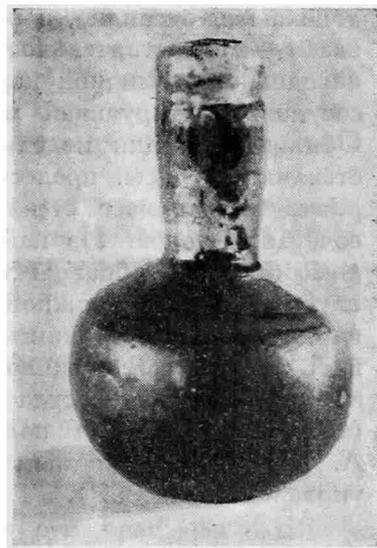

Рис. 56. Мунчак-тепе. Стекло-
вый сосуд с лекарственной
жидкостью

фронтальных плоскостей (рис. 54). Очажок был вделан в нижнюю часть стены и является художественно-декоративным оформлением обычного домашнего очага, служившего для удовлетворения бытовых потребностей обитателей дома. Тем самым окончательно решается вопрос о назначении такого рода очажков, широко распространенных в средневековых поселениях Средней Азии и долгое время порождавших различные догадки у исследователей, поскольку не удавалось их найти *in situ*. При раскопках того же блокового дома было найдено много различной керамики, в том числе поливной — блюда, миски, чираги и т. д. На уровне верхнего пола обнаружен толстый слой обуглившихся зерен пшеницы, здесь же лежали круглые каменные жернова от ручных мельниц, а в яме был найден хорошо сохранившийся железный серп. На том же уровне среди различных бытовых предметов оказался замечательный костяной нож, украшенный знаками, исполненными резьбой и имевшими, вероятно, значение магических символов.

Уровень сельского хозяйства населения Мунчак-тепе в X—XII вв. характеризуется находками хорошо сохранившегося железного сошника от плуга, железных серпов и других орудий; в ямах-зернохранилищах обнаружены пшеница, ячмень, просо, рис: по собранным археоботаническим

остаткам можно заключить, что население культивировало также виноград, персики, урюк, алчу, дыни, тыквы.

В кратком обзоре нет возможности дать более или менее обстоятельную характеристику всего того разнообразнейшего вещественного материала, который добыт при раскопках верхнего слоя Мунчак-тепе. Многие группы находок и отдельные предметы заслуживают специального описания и исследования. Особенно богато представлена поливная расписная керамика, свидетельствующая о своеобразии орнаментальных мотивов, а также красочной гаммы и подтверждающая наличие местных традиций в данной отрасли художественного ремесла. Интересны образцы средневековой лепной керамики, расписанной линейно-геометрическими узорами посредством красной краски, стилистически восходящие к чрезвычайно далекой архаике, пережитком которой эта роспись в сущности является; такова же, очевидно, и вся «трипольская» (по Вяткину) керамика Афрасиаба — в действительности средневековая. Довольно значительно число находок сероглиняной керамики с рельефной орнаментацией поверхности сосудов, имитирующей металлическую художественную посуду (рис. 55). Обильны находки изделий из стекла. Прежде всего, это многочисленные стеклянные бусы, представляющие обычно весьма искусную комбинацию разноцветных масс стекла, нередко поражающих тонкой изысканностью сочетаний тонов. Из найденных фрагментов стеклянных сосудов необходимо отметить образцы тонкостенных сосудов с рельефными узорами. На глубине 1.10 м в южной части раскопа тепе, в слое X—XII вв., был найден целый стеклянный флакон (высотой 9.5 см) (рис. 56), наполненный жидкостью, отлично сохранившейся благодаря герметичности закупорки: горлышко сосуда плотно закрыто глинистой массой. Эта редчайшая находка была подвергнута исследованию в Ташкенте химиком Л. Окуличем-Казариным (в химической лаборатории Гос. Геологического управления УзССР).

Было выяснено, что в сосуде содержится полужидкое вещество, представляющее собой какой-то бальзам, к которому подмешаны ртуть и хлебные зерна (обнаружены зерна пшеницы, ячменя, проса, риса и курмыка). Дополнительное исследование, произведенное в Ленинграде В. А. Петровым, показало, что основная масса содержимого в сосуде состоит из солада. Очевидно, в флаконе хранился ценный медикамент. Изучение этой уникальной археологической находки проливает свет на древнюю медицину Средней Азии.

В том же месте, где был обнаружен упомянутый стеклянный сосуд, несколько глубже найдена была пара массивных золотых серег, напоминающих своей формой букву Z; на одной из серег сохранились украшающие ее жемчужины.

Верхний слой дал и серию монетных находок, имеющих важное датировочное значение. По определению М. Е. Массона, это главным образом фельсы династии Йлеков XI в. (один экземпляр XII в.) и черные дирхемы «мусейяби» X—XI вв., встречено также несколько тюрко-согдийских монет VII — начала VIII вв. Ни одной монеты более поздней, чем XII в., нет. Очевидно, жизнь на городище Мунчак-тепе была прервана монгольским нашествием, после которого она уже больше здесь никогда не возобновлялась. Картина громадного пожара, уничтожившего город, вырисовывается повсюду при расследовании верхнего слоя, в котором почти каждый поздний дом представляет собою остатки сгоревшего строения.

На всем протяжении существования Мунчак-тепе основой жизни населения здесь являлось, несомненно, земледелие, базировавшееся на использовании прежде всего прекрасных обильных источников ключевой воды, на-

ходящихся в 3 км юго-западнее городища Мунчак-тепе (нынешний кишлак Кош-Тегермен) и поныне орошающих прибрежную полосу к востоку от Беговата вдоль побережья Сыр-Дарьи. Наряду с этим, на орошение, очевидно, шла, как и теперь, вода горной реки Ак-су. Особенно большое значение имели, конечно, ключи. Показательно, что в Кош-Тегермене на холме, к которому примыкает современный кишлак, сохранились остатки сильно укрепленного древнего поселения с мощным арком, грозно обращенным в сторону Ферганской долины.¹ Очевидно, источники воды, обеспечивавшие жизнь обширной округи, находились всегда под надежной охраной. Мунчак-тепе являлся одним из пограничных населенных пунктов северовосточной окраины Сутрушаны (Усрушаны), владения которой ограничивались с севера Сыр-Дарьей.

Как опорный пункт на границе со степью Мунчак-тепе было укрепленным поселением, затруднявшим проникновение кочевников в Сутрушану с правой стороны Сыр-Дарьи. В этой связи интересно отметить наличие воздвигнутых на правом берегу Сыр-Дарьи охранно-сторожевых аванпостов. Следы сторожевых тепе отмечены в районе гравийного карьера Фархадстроа (правый берег в 1.5 км западнее Фархад-тау) и непосредственно против Мунчак-тепе.

Из краткого обзора работ Фархадской археологической экспедиции видно, что ей удалось добыть большой и очень богатый материал, который ярко и разносторонне обрисовывает материальную культуру одного из центров древнего среднеазиатского государства Сутрушаны, в состав владений которой входила, прежде всего, предгорная полоса между Джизаком и Ходжентом.² Древние культурные центры — поселения Сутрушаны — ранее совершенно не подвергались археологическому изучению, если не считать беглого внешнего описания памятников старины Ура-Тюбе и Шахристана, составленного П. Скварским и И. Кастанье несколько десятков лет назад.³ Работы Фархадской экспедиции, таким образом, существенно восполняют пробел в историко-культурном изучении древних государств Средней Азии, поскольку они впервые вводят в научный оборот новые ценные фактические данные по истории материальной культуры поселений Сутрушаны.

¹ Древнее городище в Кош-Тегермене подвергнуто Фархадской экспедицией обследованию. Жизнь в этом поселении продолжалась значительно дольше, чем в Мунчак-тепе.

² Об этом подробнее в моей статье: «Археологические работы на Фархадстрое в 1943 г. Раскопки могильника близ Ширин-сая» (печатается).

³ П. С. Скварский. Несколько слов о древностях Шахристана, Среднеазиатский вестник, 1896, октябрь; И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана. Прот. Туркестанск. кружка люб. археол., т. XX, вып. I, 1915.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1949 Ленинград

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

КЕРАМИЧЕСКАЯ ОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ
МУНЧАК-ТЕПЕ

Во время раскопок, производившихся Фархадской археологической экспедицией на городище Мунчак-Тепе (левый берег Сыр-Дарьи, в 7 км к востоку от гор. Беговата) в октябре 1943 г., была открыта древняя керамическая обжигательная печь. Открытие это представляет значительный интерес тем, что оно дало важный материал для характеристики поселения Мунчак-Тепе в его наиболее ранний период жизни как ремесленного центра северо-восточной части Усрушаны. Привлекает внимание также и сама конструкция печи, впервые в Средней Азии с такой четкостью выявленная раскопками на Мунчак-Тепе и позволяющая сделать некоторые весьма существенные заключения относительно генезиса этого типа обжигательных печей.

Керамическая печь Мунчак-Тепе обнаружена на дне широкого котлована, который был вырыт в феврале — марте 1943 г. в самом начале работ по сооружению фархадской плотины. Котлован прорезал городище с севера на юг, причем до глубины 2.50—3 м культурные наслоения были здесь изъяты, на дне котлована остались нетронутыми лишь незначительные остатки нижнего, а вместе с тем и наиболее раннего культурного слоя. Отчасти в этом слое, а главным образом уже в лёссовом материке залегала керамическая обжигательная печь, от которой сохранилась лишь нижняя топочная камера.

Печь представляет собой сооружение, сильно вытянутое по продольной оси (рис. 18); длина ее 5.70 м, наибольшая внутренняя ширина — 1.20 м, наименьшая — 0.70 м, наибольшая сохранившаяся высота топки 1.18 м. Печь своим топочным устьем обращена на юг. При возведении печи предварительно был вырыт котлован с таким расчетом, чтобы топочная камера печи находилась в земле. На поверхности, несомненно, выступала только обжигательная камера, от которой ничего не уцелело, так как ее остатки, если они и сохранились, были скрыты при устройстве котлована. Корпус печи, от которого до нас дошли только боковые стены топки, сложен из сырцовых саманных кирпичей. Наибольшей толщины (42 см) кладка достигает в тех местах, где у стен топки имеются лопатки, о которых речь будет ниже. Стены топки, включая и указанные лопатки, обмазаны слоем глины, содержащей также примесь самана (рубленая солома). Обмазка (толщина ее 2—4 см, а местами — 10 см) неоднократно обновлялась, причем под сильным воздействием огня она приобрела серовато-пепельный, а местами зеленоватый цвет, с признаками перехода уже в шлаковидную массу. Весь корпус печи прокален до такой степени, что не только сырцовая кладка стен топки приобрела яркочерный цвет, но обжигу подвергся и прилегающий к печи лёссовый грунт, ставший красновато-бурым.

Обратимся к конструкции печи. Узкое, но длинное топочное устье имеет наклонный под, понижающийся в сторону топливника, т. е. той части камеры, где происходил основной процесс сгорания топлива. Камера имеет трапецевидную в плане форму, суженную к устью и несколько расширяющуюся в сторону средней части топки. Средняя часть топки интересна на-

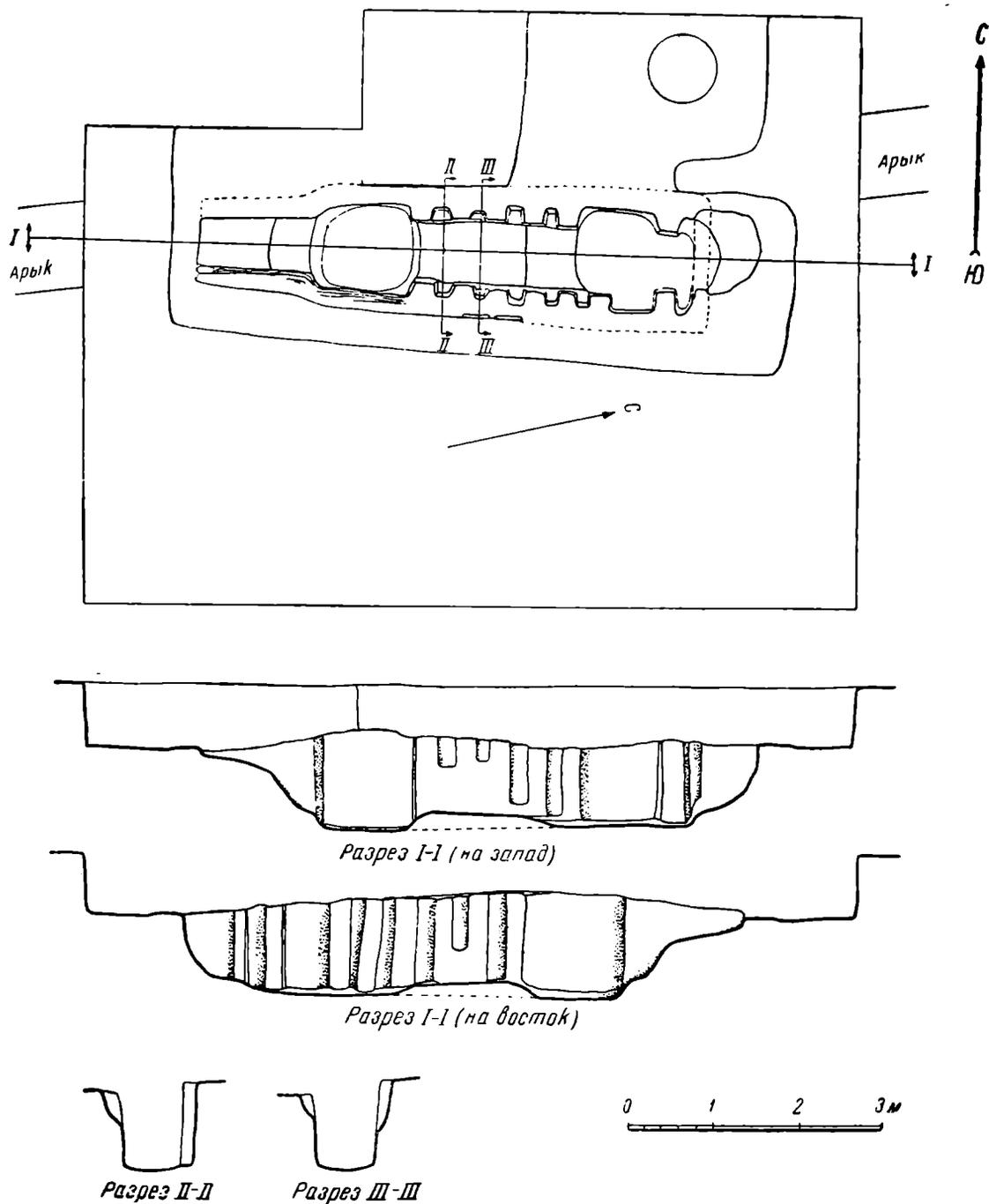

Рис. 18. План и разрезы керамической обжигательной печи Мунчак-Тепе

личием выступающих от боковых стен 5 пар лопаток. После каждой лопатки следует вертикальный канал, обычно с очень сильно обожженными стенками, свидетельствующими о происходившей в каналах сильной тяге горячих топочных газов вверх. Не все вертикальные каналы, расположенные между лопатками, доходят до пода топки. Некоторые начинаются лишь на известной высоте от пода. Тщательное исследование показало, что первоначально все каналы несомненно доходили до пода топки (последний пред-

ставляет собой сильно обожженный материк). Однако с течением времени, в результате обгорания внутренней футеровки печи, очевидно, возникали трещины в лопатках, что создавало опасения за их прочность. Для укрепления лопаток приходилось иногда закладывать кирпичами и замазывать глиной низ каналов, чтобы тем самым придать большую устойчивость лопаткам. После пятой пары лопаток топка значительно расширяется, причем с восточной стороны здесь выступает лопатка, тогда как на противоположной, западной, стене топки в этом месте лопатки нет. Северный конец топки завершается двумя обращенными одна к другой лопатками, за которыми следует последняя пара вертикальных каналов. К сожалению, северная поперечная стена, обрамлявшая топку, была разрушена до раскопок, при устройстве триангуляционного репера.

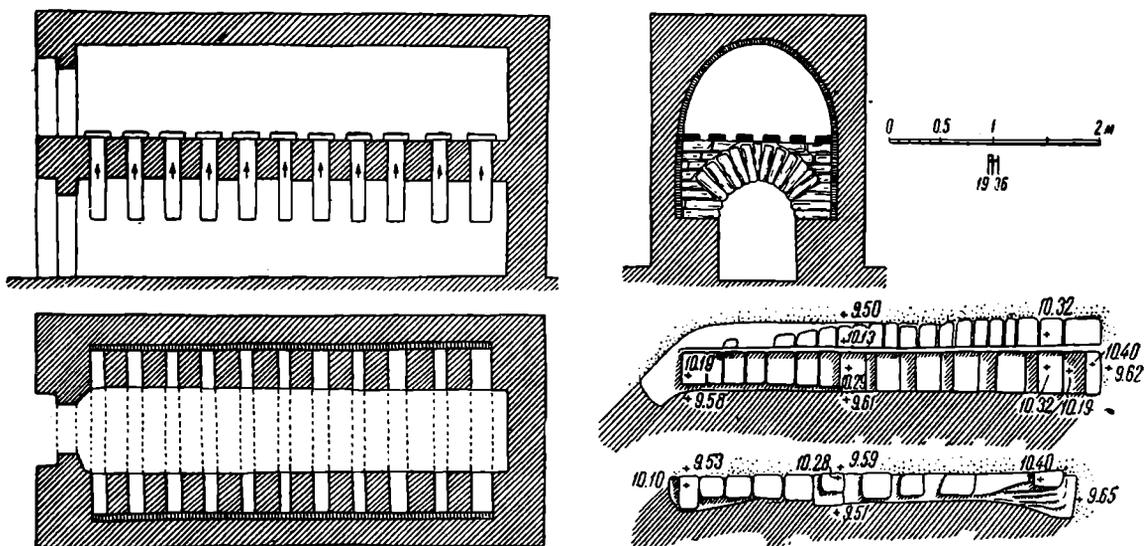

Рис. 19. Реконструкция керамической обжигательной печи, из города Урука

Топка оказалась заполненной огромным количеством золы, особенно обильно скопившейся в южной части, в топливнике. Зола здесь у самого пода имела характер твердой спекшейся массы. При удалении золы, поверх которой лежали многочисленные куски кирпичей и обмазки от разрушенных верхних частей печи, было встречено большое количество фрагментов керамики многократно повторяющихся типов и представляющих собою образцы изделий, подвергавшихся обжигу в данном горне. Но прежде чем перейти к рассмотрению указанных керамических находок, характеризующих продукцию мастерской, в производственное оборудование которой входила настоящая обжигательная печь, попытаемся реконструировать устройство печи.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что обжиг посуды производился в обжигательной камере, находившейся над топкой. Ясно также, что устройство в топке лопаток, выступающих от боковых ее стен, было обусловлено именно наличием верхнего обжигательного помещения, куда горячие газы из топки должны были снизу проникать через особые жаропроводные отверстия-продухи, находившиеся в несохранившихся перекрытиях топки. Очевидно, под обжигательной камеры поддерживался системой подпружных арок. Чтобы сузить пролеты этих арок и сделать их более устойчивыми, были устроены те кирпичные выступы-лопатки, которые сохранились в топке. При наличии системы арок, жаропроводные отверстия для пропуска горячих газов в обжигательную камеру могли быть сделаны только в промежутках между арочками. Этому вполне соответствуют те каналы между лопатками, которые уже были отмечены при описании топки. Такова в основных чертах конструкция керамической печи Мунчак-Теле.

Печи подобного типа, насколько нам известно, в литературе по археологии Средней Азии еще никем не издавались. Печи, раскопанные Г. В. Григорьевым в гончарном квартале Кафыр-Кале и относящиеся к VI — VII вв. н. э., совсем иного устройства. Это — круглые в плане горны, в которых под обжигательной камерой (последняя имела куполообразную форму) поддерживался подпорным столбом, стоявшим в центре топки. В 1933 г., во время раскопочных работ в Айртаме, были замечены незначительные следы очень разрушенной печи, которую схематически зафиксировал Т. Миргиязов. Судя по его зарисовке, айртамская печь имела узкий топочный ход, от которого перпендикулярно отходили боковые каналы, расположенные с обеих сторон топки один против другого (таких каналов уцелело две пары). В какой-то мере остатки айртамской печи, относящейся, по словам Т. Миргиязова, к кушанской эпохе, напоминают принцип устройства печи Мунчак-Тепе.

Следует сказать, что в момент открытия печи Мунчак-Тепе нам прежде всего припомнились многочисленные западноримские гончарные печи, широко распространенные в I—II вв. н. э., особенно в римских провинциях. Больше всего их открыто до сих пор на территории древней Галлии, в прирейнских районах и т. д. В более технически развитом виде эти обжигательные печи в сущности несут в себе те же основные конструктивные элементы, которые свойственны и печи Мунчак-Тепе: длинная топка с системой парно выступающих боковых выступов, на которых покоились построенные отдельными секциями сводчатые перекрытия («арки») с жаропроводными отверстиями в промежутках между ними. Мелькала даже мысль, не являются ли источником конструкции печи Мунчак-Тепе западноримская керамическая промышленность и ее техника, тем более, что время существования печи Мунчак-Тепе падает примерно на начало нашей эры (подробнее о датировке ниже).

Однако дальнейшее исследование привело нас к другим выводам. Выяснилось, что конструктивный принцип устройства обжигательных гончарных горнов, свойственный керамической печи Мунчак-Тепе, был известен и применялся уже в очень глубокой древности на Востоке, в Передней Азии, прежде всего в культурных центрах Двуречья. Именно там, повидимому, и была выработана впервые эта система удлиненных в плане печей с боковыми лопатками в топке как опорами для арок, которые служили костяком перекрытий топочного помещения, а одновременно и основой пода обжигательной камеры. Остатки такой древнейшей печи открыты в 1935 г. при раскопках развалин города Урука в Южной Вавилонии.¹ Сохранившаяся нижняя часть печи, т. е. топка, 4 м длины и 0.80 м ширины, высота уцелевших стен печи 0.80 м (рис. 196).²

Издатель урукской печи А. Галлер, сопоставив ее с конструктивно сходной гончарной печью, раскопанной в Ниппуре,³ дал вполне обоснованную реконструкцию ее (она дана на нашем рис. 196), справедливо отвергнув высказывавшееся ранее некоторыми исследователями предположение о том,

¹ Abhandl. der preussischen Akademie der Wissenschaften, 1936, philos.-histor. Klasse, № 13. Achter vorläufiger Bericht über die von der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka vorgenommenen Ausgrabungen, 1937; A. V. Haller. «Die Stadtmauer», стр. 7, табл. 27 и 33.

² Наш рисунок воспроизводит изображение печи, имеющееся в указанной выше публикации А. Галлера на таблице 27.

³ А. Галлер ссылается на издание этой печи в работе С. S. Fischer «Excavations at Nippur», стр. 40, табл. 40.— Эта же печь в неверной реконструкции воспроизведена: В. Meissner, «Babylonien und Assyrien», I, 1920, стр. 233 сл., а также И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер, «Очерки по истории древнего Востока», 1940, стр. 80. Снимок раскопок древневавилонской гончарной печи в Ниппуре дан в книге Н. V. Hilprecht. «Die Ausgrabungen im Bel-Tempel zu Nippur», Leipzig, 1903, стр. 22.

что обжиг посуды в таких печах производился якобы внутри топки. Таким образом, твердо устанавливается факт существования печей интересующего нас типа в Передней Азии уже в III—II тысячелетиях до н. э., т. е. задолго до того как данный конструктивный принцип построения керамических обжигательных горнов вошел в римскую промышленную практику.

Что этот тип гончарных печей применялся не только в ремесленных центрах стран древнего Двуречья, но известен был и в смежных с ними

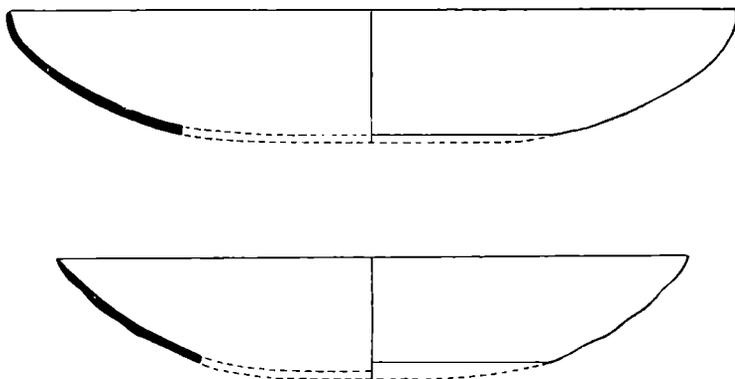

Рис. 20а. Образцы чаш, найденных в топке печи Мунчак-Тепе

областях, свидетельствует недавнее открытие очень интересных остатков керамического производства в Мингечауре (Азербайджан). Раскопанные там обжигательные печи (их изучением в настоящее время занимается бакинский археолог Г. И. Ионе) представляют собой тот же тип горна с системой арочных перекрытий топочного помещения, снабженного боковыми выступами.¹

Мингечаурские печи имеют лишь одну примечательную особенность: топочное отверстие у них устраивалось не с узкой стороны печи, соответственно ее продольной оси, а сбоку, т. е. перпендикулярно к продольной оси. В высокой степени интересно, что при раскопках мингечаурских печей получены данные, которые позволяют датировать, во всяком случае, некоторые из печей III—II вв. до н. э. (сообщение Г. И. Ионе). Датировка эта вполне убеждает, что конструкция мингечаурских печей ни в какой

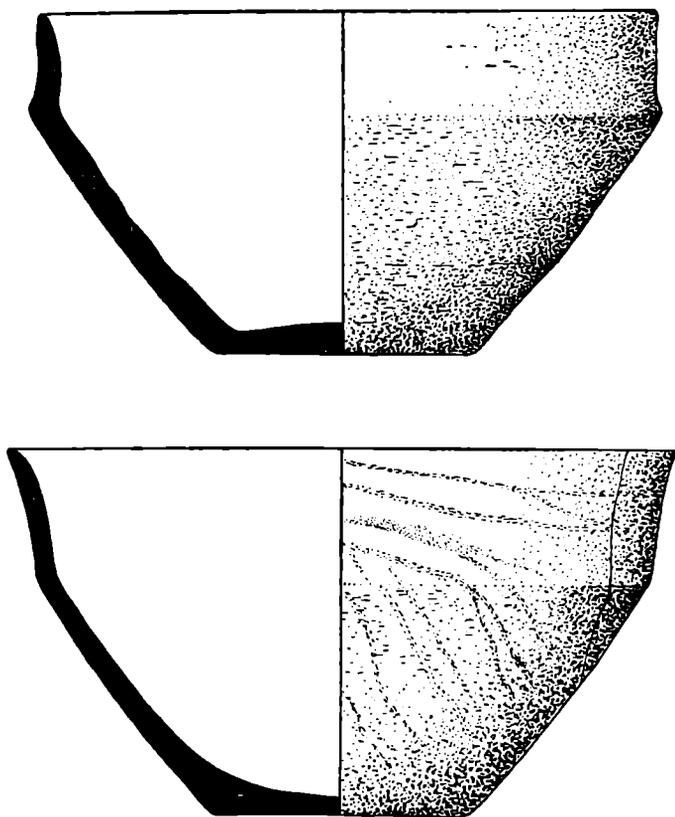

Рис. 20б. Глиняные кубки из нижнего слоя Мунчак-Тепе

¹ Г. И. Ионе. «Гончарные печи древнего Мингечаура», КСИИМК, XXIV, стр. 42—54.

генетической связи с римскими гончарными печами не стоит. Очевидно, мингечаурские печи тесно примыкают к соответствующим переднеазиатским.

Из сказанного следует, что и открытая в Мунчак-Тепе керамическая обжигательная печь восходит к этому же кругу переднеазиатской керамической техники, ранее всего разработанной, повидимому, в Вавилонии и продолжавшей очень долго жить в различных районах Востока, включая сюда в Среднюю Азию. Следует думать, что отсюда же, т. е. с Востока, в начале нашей эры римляне заимствовали, а затем усовершенствовали конструкцию обжигательных горнов с системой арочных перекрытий топочного помещения. Римляне стали особенно широко применять такого рода печи для обжига кирпича, так как арочные, капитально возводившиеся римскими строителями перекрытия топки позволяли загружать обжигательную камеру большим количеством тяжелого керамического материала.⁵

Какого рода керамика обжигалась в печи Мунчак-Тепе?

Количественно преобладающими среди обнаруженных в топке фрагментов керамики были чаши, имеющие в разрезе профиль плавной дуги, обращенной концами кверху (рис. 20а). Диаметр таких чаш 27—32 см, высота 5.2—5.6 см. Изготовлены они на гончарном круге. Некоторые чаши покрыты темнокрасным или коричневатым ангобом, поверх которого производилось еще лощение, придававшее ангобированной поверхности блеск. Особую группу составляют обломки чаш с утолщенным венчиком, имеющим сверху ровный горизонтальный срез. На некоторых экземплярах такого типа чаш ангоб не красного, а кремового цвета. В печи обжигались также хорошей выделки объемистые кувшины (типа античных энохой), горло которых снабжено рыльцем. Культурный слой сохранился за пределами печи всего лишь на 30 см, дальше уже шел материк; все, что залегало выше дна котлована, было скрыто при его сооружении.

Поскольку печь была вкопана в грунт и над поверхностью земли выступала, несомненно, только верхняя часть, т. е. обжигательная камера, не может быть полной уверенности в том, что культурные отложения, уцелевшие возле печи, но несколько ниже уровня пода ее обжигательной камеры, одновременны печи. Эти отложения могут быть более ранними. Среди керамических находок, обнаруженных в прилегающем к печи культурном слое, необходимо отметить конически суживающиеся книзу плоскодонные чаши-кубки с вертикально (или почти вертикально) стоящим бортиком (рис. 20б). Высота сосудов чаще всего варьирует от 6.5 до 9 см, но встречаются и более высокие — до 12.5 см. Они тщательно сделаны на гончарном круге. Чаще всего поверхность этих чаш имеет признаки штрихового лощения, лучшие образцы покрыты хорошим темнокрасным ангобом.

Мы отмечаем именно этот тип сосудов, потому что он являлся чрезвычайно характерным для самого нижнего и, стало быть, древнейшего слоя Мунчак-Тепе. Непосредственно в развалинах печи таких чаш не встречено. Но по уровню своего залегания в слое около печи они могут рассматриваться как материал, если несколько и предшествующий времени действия печи, то все же не намного. Общие наблюдения над стратиграфией Мунчак-Тепе и содержимым его нижнего слоя позволяют считать, что начало жизни поселения Мунчак-Тепе, нашедшее свое отражение в нижнем горизонте культурных наслоений, относится к I в. до н. э. — I в. н. э.

Наиболее вероятной датой керамической печи Мунчак-Тепе, повидимому, надо считать I—II вв. н. э. Имеющиеся в парфянском керамическом материале (из раскопок Селевкии) чаши, по форме очень близкие тем, которые обнаружены в топке печи Мунчак-Тепе, принадлежат как раз этому времени (I—II вв.). Это еще более укрепляет наш вывод относительно предложенной датировки керамической обжигательной печи Мунчак-Тепе.

⁵ Литература о римских керамических обжигательных печах указана в моей работе «Античные керамические обжигательные печи». ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 36.